100 дней войны в Украине: перспективы битвы на истощение

Евгений Прейгерман

Резюме

Война в Украине перешагнула 100-дневную отметку. Перспективы перемирия сегодня выглядят намного более отдаленными, чем через 10 дней после начала боевых действий. Повсеместно доминирует мнение о том, что все решится на поле боя.

Содержание

1 Комментарий
2 Не время для переговоров
3 Эйфория и «поставленные цели будут полностью выполнены»
4 Устойчивость нарративов
5 Сухая политэкономия

Комментарий

Опубликовано в Global Brief

Это очевидное мнение. No-brainer, говоря по-английски. Исход любой войны так или иначе решается именно на поле боя. Вопрос только в том, как быстро (или как долго) происходит переход от поля боя к результативным дипломатическим переговорам.

Поэтому, когда в начале апреля Высокий представитель ЕС по внешней политике и политике безопасности Жозеп Боррель написал, что «война будет выиграна на поле боя», его слова резали слух и даже шокировали. Казалось, что главный европейский дипломат не может так прямолинейно отказаться от попыток предотвратить затягивание и масштабирование войны. Но сегодня, даже на эмоциональном уровне, эти слова звучат как данность. Их повторяют политики в Украине и на Запада. Такого же мнения по умолчанию придерживается и российская сторона.

Не время для переговоров

Здесь все понятно и очевидно. Как я и писал в марте, переговорный процесс в этой войне может иметь успех и обеспечить реальные договоренности лишь в одном из двух случаев:

1. При однозначном понимании, что одна из сторон обречена на полное военно-политическое поражение и что затягивание переговоров приведет лишь к большим жертвам, инфраструктурным разрушениям и более тяжелым окончательным условиям мира.
2. При однозначном понимании обеими сторонами, что ни одна из них не сможет достигнуть большего на поле боя. И что для обеих сторон затягивание переговоров будет означать лишь большие потери и изнурение, а значит – и дальнейшее ухудшение условий возвращения к мирной жизни и восстановления.

За прошедшие 100 дней ни один из этих сценариев не реализовался. Оба остаются возможными, но путь к ним теперь пролегает через еще более кровопролитную войну на истощение. Конечно, теоретически боевые действия могут остановиться или существенно снизить интенсивность и без мирного договора. Например, в результате объявления одной стороной о достижении всех поставленных целей. Или после фактического замораживания неурегулированного статус-кво.

> Однако с учетом заявленных Москвой целей военной операции, переплетения этих целей с более широким международным контекстом (тематикой европейской безопасности) и нарастающих поставок западного вооружения в Украину эти варианты пока также выглядят маловероятными.

То есть даже для их гипотетической реализации сторонам придется пройти какой-то период войны на истощение.

Как с учетом этого выглядят дальнейшие перспективы войны?

Эйфория и «поставленные цели будут полностью выполнены»

Когда стало понятно, что быстрой развязки у войны не будет, на Западе и в самой Украине появилась некоторая эйфория. И в СМИ, и в политической риторике начал доминировать тезис о неспособности России достигнуть существенных военных

результатов в Украине и, соответственно, будущей победе Киева. Именно таким представлением, судя по всему, было обусловлено приведенное выше высказывание Жозепа Борелля.

В особенности эти настроения усилились после раунда переговоров в Стамбуле. По его итогам члены российской делегации объявили об отводе войск с двух из трех направлений, что в итоге привело к восстановлению Украиной контроля над территориями на севере и северо-востоке. Это было интерпретировано многими на Западе и в Украине как показатель слабости России.

> Такое прочтение вместе с общественно-эмоциональными последствиями от увиденного в Буче стало поворотным моментом для большинства западных стран.

Многие из них резко повысили масштабы и качество оказываемой Украине поддержки, особенно военной. Это, в свою очередь, еще больше усилило медийный нарратив о неизбежном поражении России.

На этом фоне в Киеве стал все чаще звучать тезис о том, что после всего произошедшего продолжать переговоры с Россией невозможно. И поэтому Украина будет «воевать до победного конца». Притом, как заявил в начале мая министр иностранных дел Украины Дмитрий Кулеба, «картина победы» в восприятии Киева изменилась и стала подразумевать не только восстановление ситуации до 24 февраля 2022 года, но и возвращение Крыма и всего Донбасса.

В России же изменения риторики не произошло. В медийном пространстве продолжали воспроизводиться более-менее те же тезисы и голоса. А официальные лица продолжали повторять, что «цели и задачи спецоперации будут выполнены» в полном объеме, «несмотря на санкции и помощь Киеву от Запада».

Устойчивость нарративов

Киев прилагает огромные коммуникационные усилия для поддержания нарратива о своей неизбежной победе. Логика очевидна: таким образом одновременно укрепляется боевой дух украинского общества, что критически важно в условиях затяжной и кровопролитной войны, и стимулируется общественное мнение западных стран, от которых Киев ждет все большей военной и экономической поддержки.

> Однако это несет и очевидные риски: ресурс такого нарратива в условиях войны на истощение ограничен.

Эффект антироссийского единения Запада на фоне эмоций после Бучи и эйфории от ожиданий победы Киева не может длиться очень долго. По крайней мере, если не происходят какие-то новые события, мобилизующие общественное мнение, и если ожидания побед в полной мере не оправдываются на поле боя. В этом случае в западную повестку дня неизбежно возвращаются очевидные базовые вопросы. Например, о рисках вертикальной и горизонтальной эскалации конфликта, которые могут привести к прямому столкновению России и НАТО. Или о гуманитарных последствиях войны для всего мира. О будущем безопасности на континенте и даже просто о цене войны в Украине для западных налогоплательщиков.

Все эти вопросы уже и звучат. Где-то закулисно, где-то очень осторожно и с витиеватыми формулировками, а где-то и вполне громогласно. И это уже не только вызвавшие огромный резонанс слова патриарха американской дипломатии Генри Киссинджера, который из раза в раз повторяет оценки, базирующиеся на целостной картине мира политического реалиста. Не только привычно аккуратные предостережения о рисках со стороны Берлина и Парижа. Или ожидаемые апокалиптические прогнозы Генсека ООН о том, что в этой войне «не может быть победителей».

Это уже и редакционная статья в New York Times, которая призывает президента Байдена четко донести до президента Зеленского, что у военной, политической и экономической помощи США есть пределы. И что «решения украинского правительства должны базироваться на реалистичной оценке средств и того, сколько еще разрушений Украина может выдержать».

Значение отдельных мнений и заявлений, пусть даже и высказанных ведущими политиками или СМИ, не стоит возводить в абсолют. На каждое мнение всегда найдется противоположное, особенно в современном информационном пространстве. Но есть и объективные реалии международных отношений.

> Чем дальше в Украине разворачивается война на истощение, тем более заметно будут меняться западные оценки и настроения.

Тем больше противоречий будет возникать между самыми различными группами интересов. И чем агрессивнее Киев будет противостоять этим изменениям в общественном мнении на Западе, тем более болезненными могут быть

долгосрочные последствия для всей Украины.

Сухая политэкономия

К такому же выводу приводит и сухой политэкономический анализ положений воюющих стран. Безусловно, экономике России нанесен огромный урон, который будет чувствоваться повсеместно и, вероятно, обострит многие социальные проблемы. Однако важно понимать, что прогнозируемое в этом году падение ВВП России на 12%, хоть и станет самым большим с 1994 года, не вернет страну в кризисные реалии лихих 90-х. Страна другая, и мир вокруг нее другой. Не говоря уже о том, что параллельно со спадом российской экономики существенно растет профицит счета текущих операций платежного баланса России. По прогнозам он может достичь 240 млрд долл. США по итогам года. Для сравнения: в январе-апреле он равнялся 95,8 млрд долл. США, что, к слову, было в 3,5 раза больше, чем за аналогичный период 2021 года.

> С учетом этих цифр пока сложно представить, что Москва откажется от поставленных задач в войне с Украиной (другое дело, что из публичных заявлений трудно понять точный список этих задач, что создает поле для маневра).

К тому же российское руководство, судя по всему, исходит из того, что терять ему уже нечего.

В плане мотивации, как мы увидели за 100 дней войны, позиции Украины уж точно не слабее российских. Но вот экономические цифры более трагичны. По официальным оценкам, Украина уже потеряла 35% ВВП. Кроме того, фактически утеряны более 200 заводов, более 5 миллионов человек выехали из страны, а еще 5 миллионов стали внутренне перемещенными. По прогнозу ПРООН, в случае продолжения войны к концу года абсолютное большинство украинцев столкнется с «экстремальной экономической уязвимостью».

Все эти расклады говорят о том, что реальные перспективы войны на истощение в Украине совсем не такие, какими могут казаться из репортажей западных СМИ. И совсем скоро сами эти СМИ начнут нас в этом убеждать.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»